

Содержание

Часть I. Машины войны	7
Часть II. Страшная сила	55
Часть III. Скрытое от глаз	183
Часть IV. Объект желания	271
Часть V. Родина	333
Часть VI. Возвращения	391
Благодарности	444

*Максу
и всем, кто тоже
работает во имя добра.*

Часть I



Машины войны

1



*Леонардо
Флоренция, Италия
Февраль 1476*

Темная шахта в склоне холма. Я мысленно вижу ее.

Я вижу, как люди заряжают черный порох в конце длинного коридора — забытого углубления под городскими укреплениями.

Думаю, с этой задачей лучше всего справятся те, кто днем добывает уголь. Эти люди привыкли трудиться в духоте, в темноте, с осторожностью используя фонарь и кирку. Их пальцы и щеки всегда черны, а штаны постоянно вымазаны засохшей землей и углем. Какая служба может подходить им лучше, чем служба в осаде?

Они храбры, я уверен — как иначе продвигаться в полной темноте с поднятыми над головой фонарями? Тихо, не вызывая подозрений, они выгружают черный песок в дальние уголки шахты. При их появлении орудийный стрелок бесшумно поворачивает колесо на шестеренках, продвигая машину вперед в шахту. Горожане разбегаются в хаосе, камни падают — и вот враг уже попал в западню атакующего.

Лаура Морелли

Конечно, я вынужден признать, что это сооружение существует только в моем воображении. Но я просто обязан перенести его на бумагу. Эти замыслы, эти машины. Из-за них я не сплю долгие часы после того, как солнце окрасит Арно* золотым цветом, а потом опустится за холмы. Мои сны заполнены этими приспособлениями. Я просыпаюсь в поту и отчаянно стараюсь перенести их на бумагу, пока они не рассеялись, как первый утренний туман на реке.

Что окружает меня на самом деле — это моя старая комната, тлеющий огонь в очаге, листы пергамента, сложенные на столе шаткими стопками, чернильницы, от которых пахнет металлом, масляные лампы с обугленными фитилями, да вечно меняющаяся компания ленивых котов. На дверь я повесил железный засов от тех, кто называет себя моими друзьями и норовит заманить в таверны. Они-то — хозяева жизни!

А у меня есть задачи поважнее. Если я не поймаю их на страницы своих записных книжек, они разлетятся, как упущенные из сети разноцветные бабочки.

Не будем обращать внимание на досадную помеху на моем мольберте. Мою неумелую попытку изобразить невзрачную дочку торговца. Теперь она пялится на меня из другого угла комнаты. Недовольна, на что у нее есть полное право. Ее отец попросил меня изобразить ее красивой, чтобы отправить портрет одному потенциальному жениху в Умбрии. Говоря по правде, у меня не лежит сердце к этому делу,

* Река во Флоренции.

Сумрачная дама

но с оплатой не поспоришь. Хлеб и вино на стол должны откуда-то браться. И тем не менее темпера на дощечке из тополя давно высохла. Я задерживаю занавеску на портрете, чтобы укоризненный взгляд девушки меня больше не отвлекал. Не терпится вернуться к чертежам! Убедить бы патрона платить мне за военные машины, а не за профиль его дочери...

А есть еще и мое участие в незаконченных произведениях учителя. Ангел и пейзаж для крещения Христа. Монахи уже несколько месяцев докучают мастеру Верроккьо*. Мадонна с младенцем, честно говоря, написана не по вдохновению, а по заказу знатной дамы, живущей около Санта-Мария-Новелла**. От нее уже пришло второе письмо — спрашивает, когда работа будет доставлена.

Как я могу позволить себе отвлекаться на все это, когда есть так много другого, что захватило мое воображение? Возвращаюсь к записным книжкам.

А почему тоннели? Вот о чем они меня спросят, эти люди, которые так же много думают о войне, как я. Но я уже это обдумал. Как изумлен будет враг, если атакующие появятся прямо из-под земли, чтобы напасть на него! Он увидит, что вал, приводящий в движение машину, позволяет ей плавно, без усилий и без звука поворачиваться в извилистых шахтах под землей. А если эти шахты не взрывать, какие сокровища там можно спрятать от тех, кто попытался бы украсть их! Глубокие подземные запасы меди, угля и соли.

* Андреа Верроккьо — итальянский скульптор эпохи Возрождения.

** Храм во Флоренции.

Лаура Морелли

Врагов надо держать близко, как говорится.

Но что я знаю? Я всего лишь тот, кто все это воображает и переносит свои фантазии на бумагу. Тот, кто верит, что иногда искусство должно служить войне.

Я беру карандаш с серебряным кончиком и снова принимаюсь рисовать.

2



*Эдит
Мюнхен
Сентябрь 1939*

Эдит Бекер надеялась, что окружающие ее мужчины не видят, как трясутся ее руки.

В любой другой четверг она сидела бы за мольбертом в подвальной реставрационной мастерской, в своих увеличительных очках, которые делали ее похожей на огромное насекомое. Там, в тишине, она потеряла бы всякий счет времени, с головой погрузившись в свое дело: реставрации древней картины, удалении выросшей за десятилетия грязи или восстановлении позолоты старой, потрескавшейся рамы. Ее работа — спасать, одно за другим, произведения искусства от разложения и гибели. Этому она училась, в этом было ее призвание. Работа всей ее жизни.

Но сейчас вот уже целый час все самые важные люди Пинакотеки, самого большого музея Мюнхена, сверлили ее взглядами. Они смотрели, как она развязывает папки и, один за другим, достает оттуда

Сумрачная дама

листы, на которых изображены картины из частных коллекций семей по всей Польше.

— Личность человека на портрете достоверно неизвестна, — сказала Эдит, передавая факсимиле портрета руки художника эпохи итальянского Возрождения, Рафаэля Санти. Эдит наблюдала, как десятки глаз изучают внешность с недоверием смотрящего на зрителя пышноволоосого мужчины в меховом плаще на одном плече.

Эдит порадовалась, что сменила свое обычное потертое серое платье и реставраторский халат на самое элегантное, что у нее было: коричневую твидовую юбку с пиджаком. Она потратила время: уложила волосы так, чтобы они равномерно обрамляли ее скулы, и аккуратно натянула чулки так, чтобы стрелки сзади шли как можно ровнее. Она была в центре пристального внимания целой группы мужчин: тут был куратор по древностям, председатель совета директоров музея и даже сам директор музея, Эрнст Бюхнер, известный ученый, с которым Эдит до сегодняшнего дня никогда не общалась лично.

— Выдвигалось несколько предположений о личности модели, — сказала она. — Некоторые даже полагают, что это автопортрет художника.

В комнате, битком набитой музейными начальниками, Эдит была единственной женщиной. Она пожалела, что не попросила оставить ее в тишине мастерской, где последние несколько недель она работала над реставрацией большой батальной сцены руки мюнхенского художника шестнадцатого века Ганса Верля. Какой-то реставратор середины семнадцатого века закрасил фигурки людей и лошадей. Теперь Эдит кропотливо и методично удаляла верхний слой

Лаура Морелли

краски маленьким льняным тампоном, смоченным растворителем. Она увлеченно наблюдала, как сантиметр за сантиметром проявляются яркие пигменты, которые положил на холст сам художник. Она предпочла бы, чтобы ее не выставляли в центр внимания, а отпустили в мастерскую.

Она нервно окинула взглядом сидящих за столом и в конце концов остановилась на Манфреде — старом коллеге, секретаре музея. Манфред подбадривающе смотрел на Эдит поверх маленьких круглых очков, и это давало ей мужество продолжать. В этой комнате он был, скорее всего, единственным, кто понимал, как тяжело Эдит говорить перед подобной группой людей.

Эдит подумала, что Манфред также единственный из коллег, кто что-то знал о ее жизни вне музея. Он понимал, с какими трудностями сталкивается она, заботясь об отце, разум которого угасает день ото дня. Манфред был одноклассником отца в Академии Высших Искусств, и именно Манфред помог устроить прилежную, усердную дочь герра Бекера на работу в отдел реставрации. Эдит знала, что ей, женщине, необходимо держать свою личную жизнь в секрете, и даже не чтобы добиться профессионального успеха, а хотя бы чтобы просто не потерять работу. Ободряющая улыбка Манфреда помогла ей унять дрожь в руках.

— Шедевр, — сказал председатель совета директоров, осторожно разглядывая факсимиле картины Рафаэля Санти. — Я вижу, что семья Чарторийских имела впечатляющее стремление к коллекционированию итальянских картин.

Сумрачная дама

— Безусловно. — Эдит тоже была поражена, когда узнала, сколько сокровищ хранилось взаперти в замках, монастырях, музеях и частных домах в восточных землях. За границей с Польшей находились огромные, пополняемые веками семейные коллекции. Коллекция семьи князя Чарторыйского также была одной из таких скрытых сокровищниц неизмеримой ценности.

И вот теперь Эдит начала понимать, для чего она столько часов, дней и недель провела в архивах и книгохранилищах музея. Ей поручили составить для совета директоров этот обзор работ польских коллекционеров. Странно, что это раньше не было очевидно. Кто-то хотел заполучить эти картины. Кто и почему?

— И вот последняя, — сказала она, доставая из стопки копий картин коллекции Чарторыйских последний лист.

— Ее-то мы и ждали, — сказал герр директор Бюхнер, и его брови поползли к редким темным волосам, зачесанным от высокого лба к затылку.

— Да, — сказала Эдит. — Примерно в 1800 году, тогда же, когда Адам Ежи Чарторыйский купил у итальянской семьи «Портрет молодого человека», он же купил «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи. Из Италии он отвез эти работы в свою семейную коллекцию в восточной Польше.

— И она до сих пор там? — спросил куратор по древностям, держа ручку в воздухе, будто сигарету. Это была его привычка со времен до недавнего запрета на курение в правительственных зданиях. Всего несколько месяцев назад, подумала Эдит, эта комната была бы вся в дыму.

Лаура Морелли

— Нет, — сказала Эдит, радуясь, что перед встречей перечитала свои заметки. — Портрет «Дама с горностаем» за последние сто лет часто переезжал. Во время польского восстания 1830-х годов семья отвезла его на хранение в Дрезден. Потом они вернули ее в Польшу, но там было по-прежнему беспокойно, поэтому картины перевезли в тайник в семейном дворце в Пелькине. Потом стало спокойнее, и семья направила его в частные апартаменты в Париже; это было где-то около 1840-х.

— А потом картина вернулась в Польшу?

— Да, со временем, — ответила Эдит. — Семья перевезла ее в Польшу в 1880-х. После этого ее, с большим шумом, выставили на обозрение. Именно тогда большинство людей узнало об этой картине, тогда ее начали изучать историки искусства. Несколько экспертов сразу опознали ее как работу руки да Винчи, и люди стали рассуждать о личности модели. Так и вышло, что теперь с нее так много, — Эдит жестом показала на стопку листов, — списков и репродукций.

— И кто же она? — спросил Бюхнер, постукивая толстыми пальцами по столешнице.

— Общепринятое мнение — что это была фаворитка герцога Миланского, девушка по имени Чечилия Галлерани, из сиенской семьи. Когда Людовико Сфорца заказал у да Винчи ее портрет, ей было, скорее всего, около шестнадцати лет. — Эдит наблюдала, как факсимиле картины снова пошло по рукам вокруг стола. Мужчины погрузились в изучение черт девушки, ее живого выражения лица и белого пушистого создания у нее на руках.

Сумрачная дама

— Во время Великой войны эта картина вновь оказалась в Германии, — продолжила Эдит. — Она для безопасности содержалась в Gemäldegalerie* в Дрездене, но в конце концов она вернулась в Краков.

— Именно так, — сказал герр директор Бюхнер, отдавая Эдит факсимиле. Она вернула его в толстую папку и принялась ее завязывать. — Фройляйн Бекер, ваше тщательнейшее предварительное исследование на службе этому проекту достойно самой высокой похвалы.

— Даже старший куратор не сделал бы лучше, — добавил куратор по декоративным искусствам.

— Danke schön.** — Эдит наконец выдохнула. Она надеялась, что теперь они отпустят ее в мастерскую, и с нетерпением ждала момента, когда наденет свой рабочий халат и приступит к стабилизации французской картины, рама которой пострадала от воды, когда ей не повезло оказаться в кладовой под водопроводной трубой.

Generaldirektor*** Бюхнер встал.

— А теперь, — сказал он, глубоко вдохнув, — у меня объявление. Недавно меня лично посетил рейхсмаршал Геринг, который, как вы, возможно, знаете, по поручению нашего Фюрера занят поиском шедевров вроде тех, которые мы сегодня увидели. В Линце будет построен новый музей. Музей полностью финансируется нашим Верховным главнокомандующим, который, как вы знаете, лично интересуется высоким искусством и его сохранением. Когда музей

* Картинная галерея (нем.).

** Большое спасибо. (нем.)

*** Генеральный директор (нем.).